

Окружённый пыльными записями и магическими инструментами, я был целиком поглощён работой в нашем шатре. Передо мной на столе валялся хлам, собранный из самых разнообразных уголков, словно со свалки. Но благодаря магии даже незначительные предметы могли обрести новую жизнь и стать инновационным оружием. Особенно ценными были кристаллизованные при помощи стекла сгустки магии, хранящие в себе заклинания. Заменяв пару линз в биноклярной лупе, можно было в полной мере оценить кропотливую работу, вложенную в создание каждого из этих маленьких шедевров. В то время как старые провода, сломанные зубцы и кусочки металла выглядели неприметно, но, собранные вместе, они превращались в корпус для магических гранат.

Сначала я восстанавливал старые металлические детали, применяя заклинания для их трансформации и слияния во что-то более функциональное. Затем вставлял внутрь магические кристаллы. И вот, подобно ткачу, оставалось лишь сплести воедино магию и науку, чтобы получить небольшой шарик. Достаточно было нажать на кнопку и бросить его в противника, чтобы энергия заморозки освободилась и оплела всё вокруг льдом. От такого оружия не спасёт ни мощная броня, ни укрытие. Заморозка обладала исключительным проникающим эффектом, что делало её опасным средством в боевых реалиях. Именно это и привлекло внимание генерала, предложившего покровительство моей сестре.

Виктория тоже не дремала, даже сейчас, в глубине ночи, она усердно трудилась над своим новым творением. Старые электронные платы, обломки металла, немного мусора и конденсат магии – всё это лежало перед ней. Её нежные руки были испачканы маслом и краской, а также изуродованы мелкими волдырями и кровоточащими порезами. Техномагия была беспощадной: уже на этом этапе Виктория столкнулась с лёгкими травмами. И что будет дальше? Без защитного оборудования нам приходилось несладко, и мы могли лишь создать примитивные паяльные очки, которые хоть как-то защищали глаза. Руки же отдавали на волю судьбе и техномагическому мастерству.

Лазерный пистолет, способный прожигать металл, – Виктория верила, что создаёт революционное оружие. На самом деле такое оружие устарело миллионы лет назад в масштабах дальнего космоса. Когда наступит инопланетное вторжение, одно из множества, тогда она осознает всю глубину нашей ограниченности. Виктория немного рассердится, а затем начнёт массово заимствовать чужие технологии, переделывать их под себя и усовершенствовать. Такова была стратегия фон Дум: мы всегда готовы «украсть», чтобы «улучшить». Не обязательно всё разрабатывать с нуля.

— Я почти закончила, — произнесла она с теплотой, словно вырастила самый прекрасный цветок под солнцем. — С этим в Латверии обязательно воцарятся свобода, справедливость и эффективность.

Недостижимый идеал, пропитанный абсурдностью и нелепым детским мышлением.

Стараясь не отвлекаться от проверки магических гранат на безопасность, я обдумывал свой будущий ответ. Он возник в голове инстинктивно, но лучше было ответить аккуратнее. Привязанность к мнению других, даже к родной сестре, можно считать слабостью, но с этим трудно что-то поделать. Но я должен был объяснить свою позицию. Принять или нет, – выбор

за ней.

— Наивные мечтания, — отозвался я. — Ты хочешь возвести в абсолют свободу, справедливость и эффективность; три понятия, несовместимые друг с другом. Свобода – это беззаботный выбор действий: куда идти, что делать, о чём мечтать. Её проповедуют либеральные государства, создавшие на своих территориях игровые площадки, где детишки любят играть. И не только в добрые игры. В свободном обществе всегда найдутся те, кто злоупотребит дарованной свободой, отнимая её у других. Кто, пытаясь ею распорядиться, подвергнет не только себя, но и всё общество угрозе распада.

Дав ей время осмыслить, я продолжил:

— Справедливость – это равное распределение ресурсов, где нет преимуществ ни у кого, и все чувствуют себя важными и нужными. Представь, если бы наши старейшины игнорировали нездоровых членов клана – беря в пример бодрых, поровну разделяли хлеб между охотниками и бездельниками, а также не мотивировали действовать и развиваться в угоду клана остальных, — закончив с работой, я снял очки и впился взглядом в Викторию, которая внимательно меня слушала. — Что произойдет? Люди потеряют стимул, стремления, жажду двигаться вперёд, пока весь остальной мир их оттесняет. Это социальное государство, как правило, оно живёт недолго.

Я ухмыльнулся, закончив подводить к сути:

— Путь для Латверии – это путь эффективности и вынужденной монархии, работа без сбоев и осечек, где все ресурсы максимизированы меньшинством ради блага большинства. Мы – страна без богатств, производства, защиты, союзников, вероятно, с кучей просроченных займов на государственном уровне и нулевым потенциалом на мировой арене. Остались только вымирающие граждане. Для них путь свободы и справедливости – это путь в пропасть. А попытка собрать всё в одну гребенку и сделать вехами нового строя: эффективность, справедливость и свободу – это создание гранаты, которая зажигает и тушит одновременно. В лучшем случае получится непонятная вспышка, угасающая так же быстро, как и появляется, — поделился я своим мнением, беря в пример созданную мной гранату.

— Разве Влада не диктатор? — спросила она про главу семейства Фортунов.

— Фортуновы выбрали путь авторитарного строя, извратили его, превратив в паразитирующую форму правления. Нет ни медицины, ни помощи старшему и малому поколению. Полная пустота. Только попытки отправить побольше рабов на каменоломни или продать местных жителей как дешевую рабочую силу в другие страны, чтобы они работали до смерти, получая за это ничего, кроме пополнения казны Фортунов. Казны, которая идет только на содержание их дворца и роскошной жизни, оставляя следствие пополнения их сокровищницы в стороне – наших людей, — объяснил я.

— Как думаешь, стоит отказаться от поездки и попытаться их свергнуть?

— И что дальше? Латверию никто не поглощает, считая её мертвой пустошью со слабым лидером. Стоит здесь появиться ресурсам, производству, технологиям, обороноспособности и сильному лидеру – как наши соседи навяжут войну с целью захвата всего этого. Мы должны не только взять власть, но и вести Латверию к величию, а не к краху из благих намерений. Нам нужна магия и наука, в гораздо большем масштабе, чем мы владеем. В масштабах целой страны, а то и мира. Никак не одного клана. Семь... восемь лет обучения, и мы начнем действовать, — железно озвучил я свои мысли, стараясь не сильно выказывать переполнившие тело гнев и раздражение.

— Тогда мы станем... — она нахмурилась, всё поняв.

— Станем врагами для всех остальных, — хмыкнул я, слегка скривившись. — И тиранами для своих. Но не пройдет и пары лет, как смертность сократится, общество уберет одну ногу из могилы, и мы начнем бороться за первенство на мировой арене. Используя эффективность, мы сделаем жителей Латверии самыми благополучными, а гражданство нашей страны – самым желанным и недоступным для всех счастьем. Ведь чем величественнее, безопаснее и счастливее наша страна, тем нам проще будет противостоять любым угрозам. И тем охотнее к нам потянутся жители других государств.

Сейчас мои слова имеют меньший вес, чем могли бы. Бум роста соотношения героям к злодеям произойдет уже после восхождения Дума и не закончится никогда. В нашей стране будут проживать мутанты, возможно, найдется парочка злодеев и супергероев. Но по сравнению с остальным миром, мы будем на дне в плане людских ресурсов. Однако, чего нет у остального мира, так это Виктора фон Дума и Виктории фон Дум. Пожалуй, два Дума гораздо эффективней всех героев вместе взятых. Вместе мы защитимся от любых угроз; кроме тех, что выходят за рамки наших возможностей. Больших, но всё же ограниченных.

— Нужно больше технологического превосходства, — величественно кивнула она, зарядившись порцией мотивации к созданию новых технологий. За ней будущее в этом плане.

— И больше магического доминирования, — вздохнул я, представляя количество угроз планеты. А любая угроза планеты – это угроза лично Латверии, что должна караться. И пусть пока нашей стране ничего не угрожает извне, однажды руины превратятся в золото. Нет, в сияющий бриллиант, что привлечет алчных воров.

Закрыв глаза, я представил не только своё будущее, но и то, что предстоит улучшить.

Утром из-за шума сбора деталей я проснулся. Поскольку мы спали вместе, я отлично знал, сколько времени Виктория потратила на сон – от силы четыре часа. Это немного задело мою гордость как брата, обязанного не лениться, пока сестра трудится в поте лица. Но, переосмыслив всё, я отбросил ненужные мысли и взглянул на её работу.

Ещё одно изобретение, разумеется, стоило зажечь в ней энтузиазм, как из рабочего стола силком не оттащишь. Улыбнувшись, я вышел из шатра, чтобы умыться и привести себя в порядок у ближайшего озера, а затем вернулся к работе.

Ближе к обеду к нам приехал генерал с небольшой комиссией для оценки достижений Виктории. Сказать, что они были поражены – это ничего не сказать. Генерал определённо получит от комиссии много очков для укрепления своего положения в армии США, ведь он нашёл самый настоящий самородок, уже почти отполированный алмаз. Неудивительно была их спешка в ускоренной попытке вывезти её из опасной страны, а я последовал за ней в качестве компании.

Временной.

Успех ознаменовал наше тяжёлое расставание, ставящее границу между нашими путями. Однажды они соединятся вновь, но до того момента нам предстоит пройти сквозь лишения и испытания. Виктория фон Дум отправилась в Штаты расширять знания в науке и робототехнике, используя накопленные знания вместе с магическим талантом.

Я же, используя минимальную сумму, выделенную правительством Штатов на содержание Виктории, проложил свой путь не просто в Тибет. Прямо в Гималаи – самые высокие и беспощадные горы на планете. Провизии было немного, а одежда оставляла желать лучшего для изматывающих снежных троп.

Горные дороги вели не к чему-то конкретному. Я искал иголку в стоге сена, опираясь на память из прошлой жизни, деревянную трость и свою силу воли. Груз ответственности не давил на меня, он словно был привязан к гелевым шарам, привязанным ко мне. Они не давали мне упасть, заставляя подниматься, опускаться, снова подниматься и опускаться по неровным хребтам. Ледяной ветер то усиливался, то слабел, но всегда коварно атаковал лицо. И этого было мало, солнечные лучи отражались от кристально чистого снега, вызывая риск снежной слепоты. Чтобы хоть как-то защититься, я пожертвовал парой тканей, чтобы замотать лицо. Тем не менее оставались проблемы с продовольствием и другими угрозами, обитающими в горах.

Путешествие с одной единственной зацепкой представляло испытание, ограждающее обычных людей от тайных знаний. Не каждый способен взобраться днём на гору, вечером найти пещеру и развести огонь, а на следующий день столкнуться с непроходимой стеной. Впервые я не пожалел, что ни разу не потратил время на ерунду, оттачивая магическое мастерство, помогающее стойко выдерживать любые испытания.

Через три недели случилось самое противное за обе мои жизни: внутренние демоны вырвались наружу. Неизвестно, была ли причиной кончающаяся еда, отсутствие нормального сна или месяц одиночества. Но причина была не важна, важен был сам факт череды кошмарных снов и слуховых галлюцинаций. Перед глазами промелькнула жизнь, где я сначала умолял мать не делать глупости, потом отца, а затем сестру.

Я предупреждал Викторию перед отъездом, чтобы она не предпринимала рискованные шаги в спасении матери из лап Мефисто и в мести Фортунным за отца. Она не должна сглупить...

«А были ли это галлюцинации или реальность?» — я часто задумывался над этим.

Мне снилась мать, бесконечно сгорающая в адском пекле и просящая о помощи. Снился отец, обвиняющий меня в слабости и неспособности спасти его от казни. Но самое страшное — снилось изуродованное лицо Виктории, покрытое ужасными ожогами и шрамами, и... упрекающие зелёные глаза, потерявшие изумрудный блеск.

Скрипучий снег и бушующий ветер не могли заглушить крики о помощи или упреки; они не были способны даже заглушить образы катастрофы. Демонический шепот всё сильнее усиливался, женский шепот, предлагающий преклониться перед Владычицей Ада и стать её верным псом — как единственный способ всё исправить.

Я это игнорировал, стараясь даже не злиться, чтобы не растерять крохи энергии.

Но, сильно отрешившись от внешних и внутренних факторов, на вершине одной из бесчисленных гор я потерял бдительность. На меня бросился огромный зверь, покрытый белым мехом и источающий жажду убийства. Тогда мой мозг заработал на пределе своих возможностей, но когтистая лапа всё равно умудрилась меня схватить, а клыки готовились впиться в плоть. Это не были ни игры разума, ни шутка воображения. Боль от ранения, смрад из пасти чудовища и приближение смерти были отчётливее собственного дыхания.

Почти инстинктивно я взмахнул рукой и направил её в пасть чудовища, выпустив пламя прямо из руки. Подношение не понравилось чудовищу; магический огонь опалил его изнутри, едва не зажарив мозги. Но не зажарил. Оно швырнуло меня в ледяную скалу, заставив выплюнуть из легких остатки воздуха и кровь.

Страх... Я впервые осознал, что не испытывал страха за собственную жизнь. Было лишь ощущение оскорбления и привкус крови во рту. Сплюнув кровь прямо в снег и криво начертив мистический символ, я собрал всю свою волю и начал поглощать энергию из Тёмного Измерения. Поскольку это было сделано без разрешения и должного опыта, — мою руку сковала острая боль, а затем до запястья кожа покрылась зелеными волдырями и ожогами.

Это была плата за силу — незначительные травмы, и мне повезло больше, чем я ожидал. Но за оскорбление... Чудовище заплатит. Точнее, заплатит Йети — снежный человек.

В более подготовленном состоянии я снова сфокусировал взгляд на монстре и в уме произнёс заклинание, перенося воображение в реальность. Поднялся сильный ветер, который окутал монстра и заставил его закружиться в зелёном вихре. Чем больше я вливал поглощённой силы, тем сильнее тёмная энергия воздействовала сначала на шерсть, а когда она превратилась в пепел, то на кожу и то, что было под ней.

Когда я почти потерял сознание от перенапряжения, передо мной остались лишь кружащиеся кости и остатки того, что когда-то было монстром.

Я, Виктор фон Дум, победил...

Но расслабляться было рано. Чтобы избежать шрамов, мне пришлось вспомнить и усовершенствовать всё, что я знал о целительной магии. Мой разум искал каждый фрагмент из прошлой жизни, чтобы найти подходящий алгоритм для восстановления руки. Однако результат оказался неутешительным, ни сегодня, ни на следующий день.

Только к концу третьего дня я полностью отправился от последствий подпитки из Тёмного Измерения. И, как назло, кошмарные сны стали ещё сильнее, а галлюцинации – ещё более абсурдными. Они всё чаще приказывали мне склониться, но Дум никогда не станет на колени. Подобное было бы абсурдом. Я не чья-то пешка или марионетка, я – тот, кто ответственен за будущее своей нации, этой планеты и даже вселенной.

Но силы покидали меня из-за совершенной глупости. Воспоминания всё чаще возвращались к битве с Йети; если бы я поступил иначе, обзавёлся бы провизией и избавился от злосчастного голода. Моё лицо осунулось, походка стала неровной, горло не могло вымолвить даже слова. Все силы уходили на руку, держащую трость, на ноги, ведущие меня в неизвестность.

«Очередной мираж», — подумал я, увидев нечто необъяснимое. Крепостной замок, достаточно роскошный, чтобы принять в себя средневекового короля. Меня интересовал храм, но никак не замок.

Несмотря на это я не решил его игнорировать и попытался спуститься. Расплатился за это через секунду, забыв о крутом спуске. Нога подвернулась, и я покатился кубарем, врезаясь в беспощадно твёрдый снег. Тело завывало от боли, а сознание невежливо попросило отключиться. Я не разрешил. Уснуть под открытым небом в снегу – значит расплатиться жизнью. Непомерно высокая плата за ошибку.

«Нога сломана», — проверка повреждений не порадовала. Обычное исцеление не помогло костям нормально срастись, вызывая неадекватно сильную боль и паршивый результат.

Моей чистой энергии, поглощаемой по вечерам, хватит на сращивание костей, но тогда мне придётся поверить, что замок обитаем и там есть пища. Либо риск и возможное спасение, либо смерть за осторожность. Методом исключения я выбрал риск. Смерть наступит в любом случае. Обратный путь невозможен, я ушёл достаточно глубоко в необитаемые горы и заплёлся в неизвестный уголок мира.

Истратив неприкосновенный запас на залечивание ноги, я смог подняться и, прихрамывая, дойти до ворот замка, медленно открывающихся при моём приближении. Значит, там кто-то обитает... Я попытался вспомнить, кем были наставники Доктора Дума. Их было много, но из значимых можно выделить всего четыре: Синтия – моя мертвая мать; Мудрецы из Храма – цель моих поисков; Моргана ле Фэй – во времена путешествия в средневековую Британию; и

последний, но не по значению...

Пройдя в величественный зал и подняв взгляд с шахматного пола, я исподлобья взглянул на женщину. Её тёмное платье облегло роскошную фигуру, придавая образу элегантности и таинственности. Белоснежные волосы, падающие каскадом по её плечам, напоминали зимний иней, и каждый волосок искрился лунным светом. Лицо благородное, с высокими скулами и гордым подбородком, контрастировало с изысканным тронem, на котором она восседала. Но больше всего выделялись глаза – озёра сапфирового цвета, выделяющиеся на фоне других глубиной. Даже в своём предобморочном состоянии я мог оценить их пронизательность, способную заглянуть в глубину души.

— Не преклонишь колени? — задала она вопрос, пробивающий до дрожи. — Даже на пороге смерти?

Я впился в неё более гневным взглядом, сменяющим оценочный, и покачал головой. Шея болела, ноги были не против сложить полномочия, но трость позволяла стоять.

— И ничего не скажешь? — более заинтересованно спросила она, скрещивая ноги и расставляя руки на подлокотники трона из черного гранита. — А если я позволю сказать?

Её тон сменился на приветливый, и словно из ниоткуда на меня опустилась сила, залечивая все раны и возвращая пиковую выносливость. Если я прав, то для неё это легче, чем дышать. Мастер Дума, обладатель неисчислимой мощью и властью над реальностью, достигающей мультивселенских масштабов. Существо, насчитывающее миллиарды лет, относится к классу мутанта и считается самым жестоким их представителем. Из-за скуки, накопленной за бесконечное течение времени, существо ради развлечения иногда истребляет вселенные, со всеми обитающими там героями и злодеями. Это даже не угроза уровня Мстителей; те не смогут ничего сделать, собственно, как и я в нынешней форме.

Что уж говорить, даже Доктору Думу Земли-616 потребовалось готовиться к победе над Мастером, начиная с Мезозойской эры по наши дни; когда Мастер закинул его в доисторические времена в качестве наказания. Но кое-что настораживает: существо может быть одно на мультивселенную. Значит ли это, что это не Земля-11, а Земля-616-11? Ответвление на просторах мегавселенной? Её существование порождает гораздо больше вопросов, чем ответов.

— Благодарю за теплый прием, — слегка кивнул я, выпрямляя спину и облегчённо вдыхая воздух. Без сильного голода даже мысли пришли в порядок, и голоса ушли. Или они просто испугались в её присутствии проявлять себя. — Для меня честь встретиться с настоящим Мастером.

— Величай меня как Маркизу Смерти, — чарующе представилась она, лениво постукивая пальцами по подлокотнику. — И ты зовешь меня своим Мастером, забывая о праве преемственности. Я не признавала тебя, лишь наблюдала за твоими смешными попытками

найти храм в горах. Ты смог меня развлечь, не более. За что-то большее тебе придется пройти отбор... Назовём его «вызовами».

— Разумное требование, — признал я, стараясь не делать лишних движений. Я вошел в клетку с тигром будучи человеком, где меня могут съесть с легендарной скоростью. Есть абсурдно мощные герои, например, Часовой или уже Часовая, но с ними можно хотя бы продержаться какое-то время или придумать хороший план противостояния. Если уж не победить, то избежать смерти. Однако с ней шутки плохи.

— Вызовы, — протянула она, положив голову на ладонь. — Испытания интеллекта, испытания силы и испытания... Секрет. Сначала пройдешь два, потом узнаешь детали третьего.

Существует плохое предчувствие, а есть омега-плохое предчувствие.

— Как будет угодно тому, кого я могу признать Мастером, — согласился я, стараясь прикинуть все варианты. Умереть не страшно, унижаться не стану, но соблюдать правила приличия придется. Самоубийство из-за «эго» очень чревато, когда речь идет об абсурдно мощных существах. Если меня убить выстрелом в голову, то я попаду, скорее всего, прямо в ад, откуда можно найти выход. С ней же на такое рассчитывать не приходится. А ещё, если я правильно всё помню, то Маркиза Смерти отличается сильнейшим чувством садизма.

Испытания интеллекта и силы – уже чувствуется сильный подвох от женщины с такой характеристикой.

— И первое испытание начинается... сейчас.

Лайк, оценка, комментарий, адекватная рецензия — всё сугубо приветствуется.

И вы можете поддержать меня на boosty: <https://boosty.to/lasombra>

Там доступно 12 глав этой большой истории!

<http://tl.rulate.ru/book/108886/4065673>